

DOI 10.15826/izv2.2021.23.2.025
УДК 929 Генрих (44)*2 + 27-528.2 +
+ 2-768

П. Ю. Уваров

¹ Институт всеобщей истории РАН

² Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Москва, Россия

ПРОЕКТЫ РЕФОРМ ГАЛЛИКАНСКОЙ ЦЕРКВИ И «ПОВСЕДНЕВНОГО БЛАГОЧЕСТИЯ» НАКАНУНЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ВОЙН

Во время так называемого «галликанского кризиса» 1551–1552 гг. папа Юлий III обвинял французского короля в подготовке схизмы, а в Королевском совете обсуждалась возможность учреждения патриаршества во Франции. Но вскоре на смену конфликту пришел тесный союз папы и Генриха II. Был ли «галликанский кризис» лишь средством политического давления на Юлия III? Насколько серьезны были планы короля и его окружения по реформированию Галликанской церкви? Недостаток источников, освещавших этот вопрос, можно в определенной мере восполнить за счет анализа сочинения адвоката Парижского парламента Рауля Спифама *«Dicaearchiae Henrici Regis Christianissimi Progymnasmata»* (1556). Это был сборник риторических упражнений в области юриспруденции, написанный в форме королевских постановлений о реформировании всех дел в королевстве. Удивительным образом часть этих вымышленных проектов реализовалась в будущем. Причина «ясновидения» автора крылась в его связях с государственными секретарями, готовившими масштабные преобразования, которые остались нереализованными из-за неожиданной гибели короля и начавшихся Религиозных войн. Немалая часть постановлений посвящена планам реформы Галликанской церкви: от возведения епископства Парижского в архиепископский ранг до ужесточения контроля над нравами прелатов. В данной статье особое внимание уделяется тому, как в *«Dicaearchiae»* регламентировалась форма ритуалов «повседневного благочестия»: благословения ложа новобрачных, очищения женщины после родов перед посещением церкви, представлений о лимбе. Предусматривалось ограничение «роскоши» — отказ от драгоценной церковной утвари, излишних колоколов, сокращение числа праздничных дней, связанных с почитанием святых. Не отказываясь от культа святых, Спифам предпринимает реформу церковного календаря и создает особый национальный мартиролог воинов, погибших за родину и «почитаемых как святые без всякой канонизации».

К л ю ч е в ы е с л о в а: Генрих II; Галликанская церковь; «галликанский кризис»; Рауль Спифам; «повседневное благочестие»; национальный мартиролог воинов

Благодарности

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 г.

Ц и т и р о в а н и е: Уваров П. Ю. Проекты реформ Галликанской церкви и «повседневного благочестия» накануне Религиозных войн // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 2. С. 59–74. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.025>

Поступила в редакцию: 21.10.2020

Принята к печати: 25.03.2021

Pavel Yu. Uvarov

¹ *Institute of World History of the RAS*

² *National Research University Higher School of Economics*
Moscow, Russia

PROJECTS OF THE GALLICAN CHURCH AND THE ‘EVERYDAY PIETY’ REFORM ON THE EVE OF THE WARS OF RELIGION

During the so-called ‘Gallican crisis’ between 1551 and 1552, Pope Julius III accused the French king of preparing an ecclesiastical schism, while the possibility of establishing a French patriarchate was discussed in the royal council. Before long, however, the conflict gave way to a close alliance between the Pope and King Henry II. Was the ‘Gallican crisis’ just a tool of political pressure on Julius III? To what extent were the plans of the king and his entourage to reform the Gallican Church serious? The lack of sources can be filled, at least in part, by turning to the work by Raoul Spifame, a lawyer of the Paris Parliament, titled *Dicaearchiae Henrici Regis Christianissimi Progymnasmata* (1556). In its essence, it is a collection of rhetorical exercises in the field of jurisprudence written in the form of royal decrees designed to reform everything in the kingdom. Surprisingly, some of these fictional measures later would be actually implemented. The reason for the author’s ‘clairvoyance’ lies in his contacts with the secretaries of state who were then preparing large-scale reforms, which would eventually be cancelled due to the unexpected death of the king and the outbreak of the Wars of Religion. A considerable part of the decrees is devoted to plans of the reform of the Gallican Church: from the elevation of the Bishopric of Paris to the rank of an archdiocese to tightening control over the morals of prelates. This article pays special attention to how the *Dicaearchiae* regulated the elements of ‘everyday piety’ — the rituals of blessing of the bridal chamber, purification after childbirth, and belief in the existence of limb. A limitation of ‘luxury’ was also to be introduced: refusal of precious ecclesiastical ornaments, redundant bells, and a reduction in the number of holidays associated with the veneration of saints. Without abandoning the cult of saints, Spifame undertakes a reform of the ecclesiastical calendar and creates a sort of national martyrology of warriors who died for their homeland and ‘are venerated as saints without a canonisation’.

Key words: Henry II; Gallican Church; “Gallican crisis”; Raoul Spifame; everyday piety; national martyrology of warriors

Acknowledgements

The study was implemented in the framework of the Basic Research Programme at the National Research University Higher School of Economics (HSE) in 2021.

For citation: Uvarov, P. Yu. (2021). Proekty reform Gallikanskoj tserkvi i "povsednevnogo blagochestiia" nakanune Religioznykh vojn [Projects of the Gallican Church and the 'Everyday Piety' Reform on the Eve of the Wars of Religion]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(2), 59–74. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.025>

Submitted: 21.10.2020

Accepted: 25.03.2021

Так называемый «галликанский кризис», вызванный конфликтом французского короля Генриха II с папой Юлием III, разразился в 1551–1552 гг. Во время этого конфликта стороны, казалось, были в шаге от полного разрыва. Генрих II отправил каждому из епископов своего королевства письмо, в котором указывал на «раздоры, разврат, ереси, ошибки и злоупотребления, кишящие в христианском мире, в результате чего вера убывает со дня на день, гибнет и погибает на глазах» [Venard, p. 201]. Епископам предписывалось незамедлительно прибыть в свои диоцезы и неотлучно находиться в них следующие шесть месяцев, проверить состояние дел, проводить беседы со всеми кюре, раз узнавать о верованиях и поведении прихожан, чтобы затем доложить обо всем на национальном соборе, который король соберет для блага Галликанской церкви и сохранения католической веры в ее целостности. Французский король провозглашал программу религиозных реформ, легитимность которым должен был придать национальный собор Галликанской церкви.

Юлий III осудил «так называемую ассамблею национального собора всей Франции, созываемую вопреки авторитету Святого Престола», как шаг к отделению Галликанской церкви от католического мира. В разговоре с французским кардиналом де Турноном папа пригрозил лишить Генриха II королевства. Король отозвал из Рима французских кардиналов и выслал из Франции папского нунция, а 5 августа 1551 г. на заседании Королевского совета прозвучало предложение вывести Французское королевство из подчинения папе и учредить должность патриарха, который обладал бы всей полнотой власти над Галликанской церковью. Кардинал Лотарингский убедил короля отложить это решение [Ibid., p. 206].

Угроза схизмы казалась реальной, но стороны пошли на примирение весной 1552 г. Юлий III отказался от союза с императором и от войны с итальянскими союзниками Генриха II. Прагматические цели короля были достигнуты, и о реформе Галликанской церкви перестали вспоминать. Весной 1552 г. началась французская военная кампания в Германии. При этом в стране произошли беспрецедентные преобразования. Зимой 1551–1552 гг. было создано сразу 60 президиальных судов. Массовая продажа новых должностей позволила окупить военные расходы того года, а учрежденная новая судебная инстанция усиливала контроль короля над территорией Франции. Беспрецедентная по своему размаху судебная реформа требовала напряженной работы всего штата королевских

секретарей [Claerr]. Королевский «штаб реформ», даже если бы и получил такой приказ, не смог бы параллельно готовить реформу Галликанской церкви.

Но существовал ли у короля или у его советников в 1551–1552 гг. некий план церковной реформы? Если он был, то от него тогда отказались совсем или же отложили его реализацию до окончания войны с Габсбургами? Об этом мы вряд ли узнаем. И все-таки есть документ, который, как представляется, может хоть как-то пролить свет на данный вопрос.

В августе 1556 г. в Париже было опубликовано произведение, названное *Dicaearchiae Henrici Regis Christianissimi Progymnasmata* («Упражнения христианнейшего короля Генриха в хорошем правлении»). Термин *progymnasmata* относил произведение к жанру риторических упражнений на вымышленную тему. Сборник состоял из 306 якобы королевских постановлений, имевших целью достичь «наилучшего состояния государства» [*Dicaearchiae*, fol. 2¹]. Этот труд не был анонимным: в латинском посвящении сочинение уподоблялось статуе «христианнейшего короля Генриха, возведенной в Лютеции Парижской с народного одобрения Раулем Спифамом, галльским поэтом, автором сего сочинения (*Radolpho Spifama poeta Gallo praekonii huius auctore*)».

26 августа 1556 г. Парижский парламент издал постановление о конфискации экземпляров этой книги, уничтожении рукописи и набора второго тома, подготовленного к печати [AN, XIa 1583, fol. 134]. Дело было в том, что Рауль Спифам давно уже конфликтовал со своими могущественными родственниками и их друзьями в Парламенте [Десимон, Мий, Уваров, с. 274–277]. В 1552 г. ему было запрещено публиковать «пасквили против многих известных персон парламентской курии» [AN, XIa 1573, fol. 599]. В мае 1554 г. по просьбе родных Рауля Спифама поместили под опеку «по причине помешательства ума и чувств». Парламентская курия «рассмотрела многие писания, клеветнические пасквили и публичные акты указанного Спифама и сочла помешательство очевидным», ему было запрещено появляться в Парламенте и в других судах [AN, XIa 1578, fol. 583; AN, XIa 1579, fol. 23v]. Публикация книги означала злостное нарушение парламентских запретов, тем более что ряд положений этого сочинения содержал персональные нападки на судей и приставов Парламента.

Некоторые экземпляры первого тома *Dicaearchiae* разошлись по рукам, и книга стала известна последующим поколениям. Одни считали ее порождением фантазии человека, одержимого манией величия [Catherinot, p. 7–8; Nerval], другие принимали некоторые из вымышленных постановлений Спифама за вполне аутентичные королевские законы [Sainte-Marthe, p. 502; Estivals, p. 108], третьи же видели в *Dicaearchiae* озарение провидца, поскольку автору удалось предсказать многое из того, что было претворено в жизнь позднее [Auffray; Fournier, p. 398; Defrance, p. 22; Heller, p. 69–73].

Как же получилось, что при всей экстравагантности автора ему удалось предвосхитить вполне конкретные преобразования? Помимо того, что Спифам

¹ Пагинация в трактате дается не по страницам, а по листам, хотя и она иногда прерывается.

был наблюдательным и опытным юристом, чутко улавливавшим слухи, которые носились под сводами Дворца правосудия, он общался и с теми, кто разрабатывал реформационные эдикты Генриха II.

Стремясь подражать логике королевских реформ и по возможности углубить их, он эксплицитно (и даже немного шаржированно) провозглашал идеологию преобразований, которая имплицитно присутствовала в королевском законодательстве. Это в первую очередь относится к мерам в области судопроизводства [Jeanclos], муниципального управления, образования, к распоряжениям, затрагивавшим область семейных отношений. Не менее трети постановлений *Dicaearchiae* посвящены реформе Галликанской церкви.

Вопросы церковного устройства по Спифаму рассмотрены мной в отдельной статье [Уваров, 2020], поэтому ограничусь здесь лишь самыми общими сведениями об обосновании автором прерогатив короля в сфере церковного управления.

Король обладает высшей юрисдикцией в том, что относится к светской власти церковных сеньоров: контролирует церковные суды, регулирует вопросы, связанные с имущественными правами духовенства, организует преследование еретиков. Этому посвящено немало статей *Dicaearchiae*. Но Спифам от имени короля активно вмешивается в те области, которые считались предметом попечения церкви: помощь бедным, организация странноприимных домов и больниц, школьное и университетское образование, вопросы семьи и брака. Это также соответствовало интенциям реального королевского законодательства, но в *Dicaearchiae* оказалось выражено в более концентрированном виде. На правах «сюринтенданта Галликанской церкви» король на страницах *Dicaearchiae* вносит изменения в структуру церковной иерархии. Среди предложенных мер: учреждение патриаршества во Франции — патриархом должен был стать архиепископ Парижский (кафедра Парижа станет архиепископской лишь в 1622 г.) — и особой коллегии кардиналов Галликанской церкви (ими станут епископы диоцезов Иль-де-Франса), а также учреждение особой «квазипонтификальной» печати и соответствующей канцелярии для управления Галликанской церковью. От имени короля «квазипапское суперинтендантство» будут осуществлять Великий омонье (королевский раздатчик милостыни) и подчиненные ему служители.

Наделить короля необходимыми для этого прерогативами должен, по мысли Спифама, некий освященный собор — то ли возобновивший свою работу и значительно «улучшенный» Тридентский собор, то ли тот самый собор, о котором говорилось в 1551 г. как о соборе Галликанской церкви, приравненном ко Вселенскому. Но если созыв собора будет откладываться (а по состоянию на 1556 г. дело обстояло именно так), то сам папа передаст королю такое право с целью реформировать злоупотребления в Галликанской церкви.

В рамках данной статьи будут рассмотрены вопросы, которые относятся к области, именуемой в современной французской религиоведческой литературе *religion vecu* — «переживаемая религия», обыденная религиозная жизнь. Автор *Dicaearchiae* не оставляет без внимания ритуалы благочестия, связанные

с основными этапами жизненного пути человека — свадьбой, рождением детей, праздниками, болезнями, смертью.

Начнем со свадьбы, вернее, с обряда благословения супружеского ложа новобрачных, который, по мнению законодателя, часто служит «причиной многих скандалов и глумлений над святым таинством брака, насмешек над церковным благословением и унижения оно». К тому же, добавляет Спифам, «чаще всего новобрачные вовсе и не ложатся в постель, над которой свершалось церковное благословение». Когда же обряд презируют, то его лучше вовсе запретить или же «перенаправить на милосердные деяния помощи ближнему, находящемуся в нужде». Впредь исполнение обряда во время свадьбы запрещено, получить благословение супружеского ложа можно будет только в церкви. По окончании мессы для тех, кто пожелает, благословение будет проводиться «над изображением указанного ложа» (*sur la representation dudit lit*), выставленного на краю алтаря, или же над сложенным бельем, заранее принесенным в храм и предназначенным для ложа новобрачных. Деньги, которые прежде уплачивались за эту требу кюре или его викарию в размере 14 парижских су, теперь будут расходоваться на содержание близлежащего чумного барака (*le sanitat*) или госпиталя для заразных больных [*Dicaearchiae*, XLVII, fol. 76v–77v.].

Итак, Спифам борется с давним обычаем, уходящим корнями в фольклорные обряды плодородия, видя в них лишь непотребства. В данном случае это вполне соответствовало наблюдениям современников, достаточно взглянуть на картину «благословение брачного ложа» фламандского художника Мартина ван Клеве, младшего современника Спифама и Брейгеля-старшего. В «королевском» постановлении Спифама желание прихожан следовать традиции «конвертируется» в общественную пользу для общего блага, тем более что забота о больных рассматривается в *Dicaearchiae* как важнейшая задача церкви. Интересно, что в этом постановлении, как и в некоторых других, Спифам стремился ограничить контакты церковнослужителей с мирянами за пределами храма и вне контроля властей.

Dicaearchiae стоит на страже «семейной тайны», неприкосновенности частного жилища. В том же постановлении, помимо обряда благословения ложа, критикуется еще один обычай: «под видом христианского благословения после водосвятия по воскресеньям затеваются походы с целью доставки на дом святой воды». Но поскольку в праздничные дни многие жители отправляются за город или участвуют в развлечениях, оставляя свои дома без должной охраны, то от этих разносчиков святой воды «происходит большой ущерб для общего порядка, в результате дома часто бывают ограблены, женщины и девы изнасилованы, и многие секреты этих домов оказываются раскрыты к выгоде злонамеренных людей, ведущих судебную тяжбу с хозяевами данного жилища» [*Dicaearchiae*, XLVII, fol. 76v.]. Впредь, согласно *Dicaearchiae*, святую воду миряне будут получать только в церкви из рук священников. Спифам со свойственной ему практичностью уточняет, кто будет выполнять эту функцию, какое будет вознаграждение, из каких фондов оно будет выплачиваться.

Французский исследователь Андре Бюргьер, анализируя требники, служебники, судебные и нотариальные документы Старого порядка во Франции, показал, как менялось отношение церкви к участию в брачных обрядах [Burguière]. С конца XVI в. усилилась нетерпимость церковных властей к фольклорным элементам культуры. Постепенно большинство обрядов свадебного ритуала переносилось под своды церкви, переосмысливаясь в религиозно-дидактическом духе. В данном случае Спифам следует вектору изменений в духе решений Тридентского собора.

Защита «домашней тайны» упомянута и в другом постановлении, посвященном беременности и родам. «Во исполнение святых декретов, запрещающих особые обряды очищения женщин, разрешившихся от бремени, восставших незапятнанными с ложа достойного плодородия, перед тем как им посещать церковь и слушать божественную службу», кюре и викариям приходских церквей предписывается не проводить подобные обряды и не превращать их в торжество [Dicaearchiae, CLVI, fol. 209v–210v]. В *Dicaearchiae* поясняется, что одни женщины оправляются от родов быстрее, другие медленнее и сие относится к «домашним секретам», которые надлежит хранить в стенах дома, а не превращать в праздник.

Спифам, имевший степень доктора не только в гражданском, но и в каноническом праве, хорошо представлял себе суть коллизии. Ученая традиция, в том числе отраженная в Декрете Грациана, вступала в противоречие с обычаем «очищений» (*relevailles*), согласно которому женщину допускали в храм и к причастию только на сороковой день после родов. Этот обычай восходил к древним табу, находившим, впрочем, подтверждение в предписаниях книги Левит о ритуальной чистоте и нечистоте [Miramon].

Особую важность представляет причастие: «кюре и викариям следует всячески увещевать беременных женщин как можно чаще причащаться святым телом Господа нашего, поскольку роды опасны для жизни, а причастие является во всех смыслах животворящей силой». Если женщина в тягости не будет публично причащаться в приходской церкви должным образом, то ее муж будет приговорен к штрафу, «взимаемому Великим омонье или его служителем» [Dicaearchiae, CLVI, fol. 210].

Следующее по порядку постановление *Dicaearchiae* тоже посвящено деторождению. Кюре и викариям категорически запрещено допускать, чтобы тела детей, рожденных в законном браке, но умерших прежде, чем было совершено их крещение, бросали в яму, именуемую «колодецем лимба» (Спифам уточняет, ссылаясь на молву, что этот «колодец лимба» якобы служит для устрашения матерей). Эта «темнота предосудительного благочестия» прямо противоречит католической доктрине. «Король твердо верит, как и все должны верить в то, что дети христиан, зачатые в законном браке, еще во чреве матери относятся к числу избранных Божьих». Спифам объясняет, что избранность детей предопределена как таинством брака, так и твердым намерением родителей крестить ребенка. И если ребенок умирает, то на него все равно будет распространяться

благодать крещения, «подобно тому, как турок или еврей, решившие креститься и направлявшиеся в крестильню, но умершие в пути, считаются крещеными». В постановлении предписывается хоронить мертворожденных детей в освященной земле, «как достойных воскрешения к вечной жизни в утешение их несчастных матерей в их тоске и отчаянии», хотя, продолжает законодатель, «они должны оценивать их смерть в большей мере как обретение, чем как потерю, поскольку младенцы суть святые души посланники между Богом и людьми» [Dicaearchiae, CLVII, fol. 210v–211].

Международная теологическая комиссия лишь в 2007 г. с санкции папы Бенедикта XVI окончательно отказалась от «теории лимба». Но и в XVI в. полемика о мертворожденных младенцах и попадании в лимб велась весьма интенсивно. Представляется, однако, что внимание Спифама к данному сюжету имело не только ученый характер. В феврале 1556 г. Генрих II подписал Эдикт о сокрытии беременности [Flandrin, p. 221]. Королевское распоряжение было направлено против убийства матерями младенцев, прижитых вне брака, вследствие чего убитые дети были лишены таинств крещения и причастия. По всей видимости, постановление Спифама призвано было образовать пару к февральскому эдикту: несчастная судьба младенцев-бастардов, не дождавшихся крещения, должна была контрастировать со спасением душ мертворожденных детей, зачатых в законном и освященном браке.

Вообще, 1556 год оказался знаменит тем, что королевское законодательство впервые вторглось в эту область семейного права, традиционно регулировавшегося правом каноническим или обычным (кутюмами). В том же феврале был опубликован Эдикт против тайных браков, заключенных без согласия родителей. Дети от такого брака лишались наследства и своего социального статуса [Code matrimonial..., p. 34; Peguera Poch, p. 147–148]. Спифам и в данном случае опубликовал постановления на смежную тему [Dicaearchiae, LV, fol. 85–86; CCXVI, fol. 280v–281v].

Утверждение *Dicaearchiae* о том, что скорбь по поводу умерших младенцев не уместна, более пространно обосновывается в специальном постановлении, посвященном трауру. Спифам объясняет, что знаки печали и меланхолии, траура и грусти, внушаемые церковью христианам, служат цели склонить их к покаянию, а не вселить ужас перед смертью. Смерть — неизбежная дань природе, выгодная человеку, который в ином случае жил бы долго, все больше впадая в беспомощность и мучаясь от болезней. Согласно христианскому вероучению, увещевает автор *Dicaearchiae*, час смерти является началом пути в вечное празднование, его следует скорее желать, чем бояться. Поэтому все знаки траура и печали по усопшим, по мнению Спифама, излишни. Исключения составляют похороны государей и сеньоров, от жизни которых зависит общее благо [Dicaearchiae, XIV, fol. 17v–19].

Основное содержание данного постановления составляют именно эти исключения, а вовсе не искоренение погребальных процессий и заупокойных служб. В противном случае практичный Спифам тщательно прописал бы

меры воздействия на нарушителей запретов и способы использования высвободившихся средств. Но в целом осуждение излишнего траура можно отнести к «сумптуариям» — предписаниям против роскоши [Селунская]. В других постановлениях этого типа в *Dicaearchiae* запреты выражены более определенно.

Так, Спифам предписывает отказаться от церковной утвари из золота и серебра, украшенной самоцветами, что вводит прихожан в соблазн и опасно граничит с идолопоклонством. Потиры, дароносицы и реликварии впредь должны быть деревянными и оловянными, а конфискованные роскошные предметы послужат для организации (конституирования) рент в местной ратуше, проценты по которым пойдут на благотворительные нужды [*Dicaearchiae*, CXV, fol. 175].

Особое постановление посвящено церковным колоколам. «Хотя использование колоколов является необходимым для сохранения гражданского общества (*société civile*) и для церковных церемоний, все же, как часто случается в подобных вещах... их излишество оборачивается нелепостью и презрением», когда колокола служат для удовлетворения тщеславия и для светских развлечений. Необходимо, проинспектировав все церкви, лишние колокола отправить на переплавку, дабы полученный материал пошел на чеканку мелкой монеты. Образовавшиеся суммы лягут в основу конституированных рент местной ратуши, выпущенных под 12-й денье (8,3 %). В пограничных областях королевства снятые колокола пойдут на изготовление пушек, дабы не быть застигнутыми врасплох в случае внезапного возобновления войны [*Dicaearchiae*, CCLXIV, fol. 229]².

К «роскоши» Спифам относит также поведение священников и алтарников, ищущих любые пути для получения денег с мирян [*Dicaearchiae*, LXXXI, fol. 107v]. Они берут плату за требы, сакраменталии и таинства, которые должны быть бесплатны, и, главное, склоняют мирян устраивать пирушки с участием клириков по любому поводу: крестины, венчания и свадьбы, поминки и похороны, благословение колоколов и первая месса, которую называют «свадьбой клириков». В данном случае речь идет о первой церковной службе молодого священника, на которую приглашались все его родные и близкие [*Schlaefli*]. Если не все эти практики можно запретить, то их надо ограничить. Так, дозволяется иметь во время крестин не более одного восприемника и восприемницы, на свадьбах — не более шести участников с каждой стороны. «Первую мессу» помимо молодого клирика надлежит служить еще двум опытным, дабы продемонстрировать нераздельное сослужение в «наисвятейшей евхаристии». Таким образом, молодой клирик не будет иметь особых прав на банкет и подарки. Запрещаются празднование помолвок, пирушки религиозных братств, банкеты по случаю получения ремесленных метризов [Кириллова], докторских и иных степеней и иных успехов в ремесле и в науке, равно как и банкеты после вступления в должность. Участие в недозволенных праздниках и ассамблеях ведет

² Такое использование колоколов время от времени встречалось при Старом порядке, но во время Французской революции оно было узаконено декретами от 3 августа в 1791 г. и 14 апреля 1792 г. [*Répertoire général*, p. 554].

к конфискации съестных припасов, значительным штрафам, а в случае рецидива — к тюремному заключению. Помимо борьбы с «непотребствами», строгости призваны пресечь перевод продуктов, поскольку вокруг много голодающих.

Законодатель запрещает принимать участие и в публичных танцах, и в пирах в праздничные дни, особенно в дни престольных праздников. По мнению Спифама, это только видимость благочестия, служащая лишь чревоугодию и чреватая именно тем идолопоклонством, в борьбе с которым гибли святые мученики. Следовало категорически пресекать какую-либо торговлю как внутри церкви, так и в непосредственной близости от нее [Dicaearchiae, CCLXV–CCLXVI, fol. 330v–332].

Эти и прочие ограничения кажутся вполне предсказуемыми, о них много раз упоминали и современники Спифама. Предписывается также ограничить паломничества, особенно в страны, которыми правят враги Французского королевства [Dicaearchiae, CCLXXVI, fol. 343v–344], и не допускать пышных и продолжительных церковных процессий — Спифам рекомендовал проводить их, не покидая ограды церкви [Dicaearchiae, CCLXXIV, fol. 340v–342v].

Также недопустимым казалось и чрезмерное воздержание во время поста, ведь эта практика ставила под угрозу жизнь подданных Французского королевства. Спифам для примера говорит об отшельниках-картузианцах, которые даже во время болезни отказываются от пищи животного происхождения, будь то бульон из каплуна или похлебка, способные поддержать силы. Тем самым они допускают «беззаконие по отношению к своей душе, поскольку тело — вечный ее помощник в земной жизни и в бессмертии». Характерно, что в этом же постановлении Спифам меняет регламент диспутов в Сорбонне, предписывая устраивать перерыв, чтобы не причинять вреда здоровью [Dicaearchiae, CCXLVIII, fol. 313v–315].

Соблюдение постов все же представляется Спифаму необходимым. Прежде всего, это относится к духовенству, но и мирянам не следует пользоваться послаблениями, легко получаемыми из рук прелатов. Прелаты вообще не имеют власти в этом вопросе, они могут отпускать свершенные грехи, но не допускать их свершение. «Поскольку исполнение святых соборных и апостолических декретов возложено не на прелатов церкви, а на короля», большую часть этих забот законодатель перепоручает Великому омонье. Только он и его служители (викарии) должны следить за соблюдением постов и выдавать письменные разрешения не соблюдать пост по уважительной причине. Но и получив разрешение, люди должны искупать этот свой грех умеренными штрафами, которые пойдут в кассу ближайшего чумного барака [Dicaearchiae, CLVIII, fol. 209v–210v].

Поститься должны все, включая военных. Но их случай — особый. Ведь войны обычно начинаются весной, а в это время плоть благочестивых воинов ослаблена воздержанием. Поэтому сроки Великого поста для них сдвигаются. По мнению Спифама, Великий пост для военных должен заканчиваться в воскресенье после первой пятницы марта и, соответственно, начинаться сорока днями ранее [Dicaearchiae, CCXVIII, fol. 282–283].

В целом Спифам достаточно вольно обращается с календарем. Предвосхищая Руссильонский эдикт 1564 г., он предписывает начинать год с 1 января, «чтобы сблизить Галликанскую церковь с Римским апостолическим престолом», а также для удобства делопроизводства, поскольку те, кто занимается финансами, давно уже отсчитывают год не по Пасхе, а с фиксированной даты 1 января [Dicaearchiae, CXCV, fol. 255v].

Сетуя на обилие праздничных дней, посвященных тому или иному святому, что мешает должному их почитанию и не дает возможность бедному люду заработать на хлеб, Спифам смело объединяет и переставляет церковные праздники. По его мнению, на неделе не более одного дня, помимо воскресенья, надлежит отводить торжественному поминовению святых. Таким днем он объявляет четверг, причем церковную службу следует реорганизовать так, чтобы святых поминали утром, а вторая половина дня была освобождена для работы [Dicaearchiae, XLVIII, fol. 78].

Чуть дальше, в группе документов, запрещающих пирушки по поводу дня святых и торговли в храмах, делается более решительный шаг, изменяющий всю систему поминовения святых. «Король получает многочисленные жалобы от своего бедного народа на множественность праздников, которые, следуя зачастую один за другим, мешают зарабатывать на жизнь». Это имеет особо тяжкие последствия в сезоны посевных и уборочных работ: «часто бывает так, что благоприятные дни приходятся на праздники, а в прочие дни идет дождь или устанавливается непогода, в результате чего земля плохо обрабатывается и плохо собираются ее дары, что ведет к ущербу для общего блага и является неблагодарностью к Богу-творцу, чьи дары следует тщательно собирать, воздавая тем ему хвалу» [Dicaearchiae, CCLXVII, fol. 332].

Согласно *Dicaearchiae*, ни одного дня праздничного поминовения святых не должно приходиться на периоды с середины февраля до середины апреля, с середины июня до Успения (15 августа) и с 1 сентября до дня Всех святых (1 ноября). Нерабочими должны оставаться лишь воскресенья и Великие (двенадесатые) праздники [Ibid., fol. 332–333v].

При этом Спифам совсем не против почитания святых. В одном из постановлений, уже цитировавшемся мной [Уваров, 2019], говорится о необходимости почитания святых. На фасаде каждого дома должно находиться изображение святого, перед которым в ночное время будет гореть свеча, чтобы «ночное освещение убавило смелости святотатцам и грабителям». Имя святого покровителя дома надлежит зарегистрировать в полицейской палате, тем самым решая проблему поиска адресов. Хозяину следует позаботиться о том, чтобы все жители дома знали житие этого святого, совершенные им чудеса и выучили молитвы, с которыми к святому следует обращаться за помощью [Dicaearchiae, CXXVI, fol. 186–187].

Пытаясь сократить число праздничных дней и при этом не умалить почитания святых, автор *Dicaearchiae* предписывает помянуть святого не ежегодно, но один раз в десять лет. В году он предусматривает три праздничных дня, в каждый

из которых будет поминаться пара святых. Первый праздник будет посвящен в основном поминовению апостолов, евангелистов, а также святых Екатерины и Агнессы. Во время второго праздника будут поминаться святые и угодники, причем в один из годов следует отмечать день памяти святых покровителей данного диоцеза и данного прихода. Цикл третьего праздника открывает в первый год поминовение Невинноубиенных [младенцев] и 10 тысяч [Никомедийских] мучеников, в следующий раз будут поминаться 11 тысяч девственников [св. Урсулы] и св. Маврикий с его воинами. На третий же год наступит очередь святых Роланда и Оливье — «мучеников и рыцарей Круглого стола (!), которые погибли в Ронсевальском ущелье, защищая Христианский мир, мученичество которых церковь отмечает в 16-е календы июня, ибо те, кто смело защищал веру и родную страну и корону Франции и пал на поле брани на службе своему государю, суть славные мученики в Раю, и потомки должны их почитать без всякой канонизации». Оставшиеся семь лет цикла пока остаются незанятыми, в эти дни будут почитаться «рыцари Франции, умершие за свою христианскую веру и за свою страну» [Dicaearchiae, CCLXVII, fol. 333v]. Их имена и форма прославления будут установлены Патриаршим советом (новым органом, придуманным Спифамом), чтобы побудить потомков к подражанию их доблести.

В постановлении XIV, где обсуждался траур по усопшим, Спифам, как мы помним, делал исключение для правителей и сеньоров, от которых зависело общее благо. Там же говорилось о святых рыцарях Роланде и Оливье и о необходимости создать «мартиролаг — каталог всех принцев, капитанов, их помощников и прочих воинов, погибших в военных походах ради сохранения и защиты короны Франции, начиная со времен Карла Великого» [Dicaearchiae, XIV, fol. 17v–19]. Подобно мартирологу святых этот «каталог воинов» надо было организовать по календарному принципу в соответствии с днями поминовения и читать его во всех церквях, «дабы воодушевить дворянство более доблестно служить своим оружием среди опасностей войны» и пасть «в качестве подлинных мучеников, без канонизации, если случится им умереть на этом одре славы». Спифам учреждал должность «штатного историографа доблестных деяний, свершенных добрыми и славными рыцарями» [Ibid., fol. 18v]. Описание подвигов следовало составить на латыни и на французском языке. Историографу предстояло работать в паре со специально назначенным для этого прославленным поэтом. Очертив круг их обязанностей, Спифам определял размер их жалованья и указывал статью королевских доходов, из которых оно должно было выплачиваться.

Жан Офрэ, почитатель Спифама, живший в XVIII в., был в восторге от идеи создания военного мартиролога и писал, что такой пример необходим и современным ему воинам [Auffray, p. 17–18]. Но и здесь Спифам, придумывая, казалось бы, нечто совершенно новое, опирался на хорошо известные примеры. Указания на «святых Роланда и Оливье» не являются его вымыслом. Эти рыцари не были включены в унифицированный Римский мартиролаг 1583 г., но в некоторых из старых мартирологов они упоминались как святые (их память, судя по всему, отмечалась все-таки в 16-е календы июля, а не июня)

[The Pseudo-Turpin, p. 87]³. Позднее Средневековье подготовило шаг, который уподобит святым героев, павших за Родину [Kantorowicz]. Кстати, и Офрэ указывал, что подобные заупокойные службы за павших героев учреждены в Испании, Австрии и на Мальте, но, конечно, они далеки от таких разумных предложений Спифама [Auffray, p. 19].

Обращает на себя внимание то, что «сбывшихся предсказаний» Спифама немало в области судопроизводства и организации муниципальной жизни, но в отношении реформирования Галликанской церкви их значительно меньше. При Старом порядке сбылось лишь «предсказание» об учреждении архиепископства Парижского, хотя общий вектор изменений, предписываемых Спифамом, направлен в ту же сторону, что и преобразования в духе Тридентского собора, и инновации следующего столетия — «века святых» во Франции. Мне представляется вероятной гипотеза о близости Спифама кругу «государственных секретарей», осуществлявших масштабные реформы Генриха II. В период «галликанского кризиса» эти чиновники проговаривали варианты реформ Галликанской церкви, ведь поднимался же в Королевском совете вопрос об учреждении патриаршества во Франции — вопрос, который так вдохновил Спифама. Вряд ли секретари сразу же забывали про свои наработки, даже если их реализация откладывалась. Изменения судебной системы, развитие городов, помощь бедным — все это будет развиваться примерно в одном направлении. Королевская власть в следующем веке еще более усилится, чиновников станет еще больше, города вырастут, но будут управляться лучше, за бедными попытаются следить более внимательно. Экстраполяция имевшегося опыта на будущее — ближайшее или более отдаленное — в принципе была возможна. Но отношения королевской власти с церковью двинутся совсем по другой траектории, чем это виделось в начале 1550-х гг. Реформация, Контрреформация и долгие Религиозные войны сделают реализацию предсказаний невозможной или отложат ее на очень уж долгий период.

И все же планы Рауля Спифама, как губка впитывавшего идеи, которые носились в воздухе, о которых говорили в королевском «штабе реформ» и которые так и не были реализованы, хорошо иллюстрируют специфику раннего Нового времени. Эта эпоха являлась амальгамой Средневековья, перерабатывала вполне средневековые идеи, но при этом таила в себе удивительный инновационный потенциал, далеко не сразу нашедший себе применение в последующий период.

Источники

AN — Archives Nationales. Série X Parlement de Paris; XIa Parlement civil.

Auffray J. Vues d'un politique du XVIe siècle sur la législation de son temps, également propres à réformer celle de nos jours, ou Choix des arrests qui composent le Recueil de Raoul Spifame, connu

³ Выражаю глубокую признательность А. А. Королеву, предпринявшему разыскания и предоставившему подробные сведения о почитании этих святых рыцарей и вариативности дней их поминовения. Собранный им материал вполне может лечь в основу отдельной статьи.

sous le titre de *Dicaearchiae Henrici Regis Christianissimi Progymnasmata*. Amsterdam ; Paris : Chez Claude-Jacques-Charles Durand, 1775.

Catherinot N. Le Prest gratuit. Bourges : [s. e.], 1679.

Code matrimonial ou recueil des édits, ordonnances et déclarations sur le mariage, avec un dictionnaire des décisions les plus importantes sur cette matière / éd. P. Le Ridant. Paris : Hérisant fils, 1766.

Dicaearchiae — [*Radelpho Spifama poeta Gallo præconii huius authore*] *Dicaearchiae Henrici Regis Christianissimi Progymnasmata*. [Paris], 1556.

The Pseudo-Turpin, edited from Bibliothèque Nationale, fonds latin, MS. 17656 / ed. H. M. Smyser. Cambridge (Mass.) : Medieval Academy of America, 1937.

Répertoire général: contenant la jurisprudence de 1791 / par A. Ledru-Rollin. Paris : Bureau du journal de Palais, 1846. T. 3.

Sainte-Marthe A. [III] de. Plaidoyez de Messire Nicolas de Corberon chevalier, seigneur de Torvilliers, conseiller du Roy en ses conseils, avocat general au Parlement de Metz, & ensuite maistre des requestes ordinaires de l'Hôtel de Sa Majesté: avec les arrests intervenus sur ces plaidoyez: ensemble les plaidoyez de Abel de Sainte Marthe, avocat au Parlement, et depuis conseiller du Roy en son Conseil d'Etat, & garde de la bibliothèque de Sa Majesté à Fontainebleau. Paris : Ch. de Sercy, G. de Luyne et E. Michallet, 1693.

Исследования

Десимон Р., Мий Э., Уваров П. Ю. Семейные ценности Спифамов (разрыв и преемственность в парижском линияже в XVI–XVII веках) // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. 2011. Вып. 72 (1–2). С. 274–305.

Кириллова Е. Н. Банкет в контексте эпохи: традиции французских ремесленных и торговых корпораций // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Т. 7, вып. 6 (50). URL: <https://history.jes.su/s207987840001553-7-1/> (дата обращения: 30.04.2021).

Селунская Н. А. Святой год, Святая Бедность, Сумптуарии: Проблемы историографии и методов исторических исследований. М. : ИВИ РАН, 2017.

Уваров П. Ю. Город чист, безопасен и хорошо управляем: урбанизм, утопизм и реализм в восприятии Парижа времен Генриха II // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2019. Т. 21, № 4 (193). С. 39–58. <https://doi.org/10.15826/izv2.2019.21.4.066>

Уваров П. Ю. «Королевское суперинтенданство над всею Галликанской церковью». Об одном малоизвестном проекте времен Генриха II (1556) // На пути к государствам Нового времени: Запад и Восток Европы в конце XV — XVII веке / отв. ред. И. Н. Берговская, В. Д. Назаров, П. Ю. Уваров. Калуга : Калуж. гос. ин-т развития образования, 2020. С. 531–554.

Burguière A. Le rituel du mariage en France: pratiques ecclésiastiques et pratiques populaires (XVIe–XVIIIe siècle) // Annales. ESC. 1978. Vol. 33, No. 3. P. 637–649.

Claerr R. L'histoire d'une prise de décision: les édits des présidiaux (janvier et mars 1552) // La Prise de décision en France (1525–1559) / éd. P. Claerr, O. Poncet. Paris : Publications de l'École nationale des chartes, 2008. P. 161–177.

Defrance E. Histoire de l'éclairage des rues de Paris. Paris : Imprimerie Nationale, 1904.

Estivals R. Le Dépôt légal sous l'Ancien régime de 1537 à 1791. Paris : Rivière, 1961.

Flandrin J.-L. Les amours paysannes. Amour et sexualité dans les campagnes de l'ancienne France (XVIe–XIXe siècle). Paris : Gallimard-Julliard, 1975.

Fournier E. Le vieux-neuf: Histoire ancienne des inventions et découvertes modernes. T. 2. Paris : E. Dentu, libraire-éditeur, 1859.

Heller H. Labour, Science and Technology in France, 1500–1620. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1998.

Jeanclus Y. Les projets de réforme judiciaire de Raoul Spifame. Genève : Droz, 1977.

Kantorowicz E. H. Pro Patria Mori in Medieval Political Thought // The American Historical Review. 1951. Vol. 56, No. 3. P. 472–492.

Miramon Ch. de. La fin d'un tabou? L'interdiction de communier de la femme menstruée au Moyen Âge. Le cas du XIIe siècle // Le sang au Moyen Âge : Actes du quatrième colloque international de Montpellier, Université Paul-Valéry (27–29 novembre 1997) / ed. M. Faure. Montpellier : Université Paul-Valéry, 1999. P. 163–181.

Nerval G. de. Le roi de Bicêtre (XVIe siècle): Raoul Spifame // Nerval G. de. Oeuvres. Paris : Edité par Garnier, 1958. P. 82–97.

Peguera Poch M. Filiation illégitime et mariagere prouvé en France à l'époque moderne (XVIe–XVIIIe siècle) // Bâtards et bâtardises dans l'Europe médiévale et moderne / dir. C. Avignon. Rennes : Presses universitaires de Rennes, 2016. P. 147–156.

Schlaefli L. Une fête rare: la première messe // Revue d'Alsace. 2015. Vol. 141. P. 179–193.

Venard M. Une réforme gallicane? Le projet de concile national de 1551 // Revue d'histoire de l'Église de France. 1981. T. 67, No. 179. P. 201–225.

References

Burguière, A. (1978). Le rituel du mariage en France: pratiques ecclésiastiques et pratiques populaires (XVIe–XVIIIe siècle). *Annales. ESC*, 33(3), 637–649.

Claerr, R. (2008). L'histoire d'une prise de décision: les édits des présidiaux (janvier et mars 1552). In P. Claerr, & O. Poncet (Eds.), *La Prise de décision en France (1525–1559)* (pp. 161–177). Paris: Publications de l'École nationale des chartes.

Defrance, E. (1904). *Histoire de l'éclairage des rues de Paris*. Paris: Imprimerie Nationale.

Descimon, R., Milles, É., & Uvarov, P. Yu. (2011). Semeinye tsennosti Spifamov (razryv i preemstvennost' v parizhskom lin'iazhe v XVI–XVII vekakh) [The Spifame Family Values (Breaks and Continuity of Parisian Lineage of 16th–17th Centuries)]. *Srednie veka. Issledovaniia po istorii Srednevekov'ia i rannego Novogo vremeni*, 72 (1–2), 274–305.

Estivals, R. (1961). *Le Dépôt légal sous l'Ancien régime de 1537 à 1791*. Paris: Rivière.

Flandrin, J.-L. (1975). *Les amours paysannes. Amour et sexualité dans les campagnes de l'ancienne France (XVIe–XIXe siècle)*. Paris: Gallimard-Julliard.

Fournier, E. (1859). *Le vieux-neuf: Histoire ancienne des inventions et découvertes modernes* (Vol. 2). Paris: E. Dentu, libraire-éditeur.

Heller, H. (1998). *Labour, Science and Technology in France, 1500–1620*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Jeanclos, Y. (1977). *Les projets de réforme judiciaire de Raoul Spifame*. Genève: Droz.

Kantorowicz, E. H. (1951). Pro Patria Mori in Medieval Political Thought. *The American Historical Review*, 56(3), 472–492.

Kirillova, E. N. (2016). Banket v kontekste epokhi: traditsii frantsuzskikh remeslennykh i torgovykh korporatsii [Banquets in the Frame of Time: Traditions of French Craft Guilds]. *ISTORIYA*, 7, 6 (50). Retrieved from <https://history.jes.su/s207987840001553-7-1/>

Miramon, Ch. de (1999). La fin d'un tabou? L'interdiction de communier de la femme menstruée au Moyen Âge. Le cas du XIIe siècle. In M. Faure (Ed.), *Le sang au Moyen Âge : Actes du quatrième colloque international de Montpellier, Université Paul-Valéry (27–29 novembre 1997)* (pp. 163–181). Montpellier: Université Paul-Valéry.

Nerval, G. de (1958). Le roi de Bicêtre (XVIe siècle): Raoul Spifame. In G. de Nerval, *Oeuvres* (pp. 82–97). Paris: Edité par Garnier.

Peguera Poch, M. (2016). Filiation illégitime et mariagere prouvé en France à l'époque moderne (XVIe–XVIIIe siècle). In C. Avignon (Ed.), *Bâtards et bâtardises dans l'Europe médiévale et moderne* (pp. 147–156). Rennes: Presses universitaires de Rennes.

Schlaefli, L. (2015). Une fête rare: la première messe. *Revue d'Alsace*, 141, 179–193.

Selunskaya, N. A. (2017). *Sviatoi god, Sviataia Bednost', Sumptuarii: Problemy istoriografii i metodov istoricheskikh issledovanii* [Holy Year, Holy Poverty, and Sumptuary Laws: Issues of Historiography and Methods of Historical Research]. Moscow: Institute of World History RAS.

Uvarov, P. Yu. (2019). Gorod chist, bezopasen i khorosho upravliaem: urbanizm, utopizm i realizm v vospriiatii Parizha vremen Genrikha II [The City Is Clean, Safe, and Well-Managed: Urbanism, Utopianism, and Realism in the Perception of Paris in the Time of Henry II]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 21, 4 (193), 39–58. <https://doi.org/10.15826/izv2.2019.21.4.066>

Uvarov, P. Yu. (2020). “Korolevskoe superintendantstvo nad vseiu Gallikanskoii tserkov'iu”. Ob odnom maloizvestnom proekte vremen Genrikha II (1556) [“Royal Superintendence over the Entire Gallican Church”. About a Little-Known Project of the Time of Henry II (1556)]. In I. N. Bergovskaya, V. D. Nazarov, & P. Yu. Uvarov (Eds), *Na puti k gosudarstvam Novogo vremeni: Zapad i Vostok Evropy v kontse XV – XVII veke* [On the Way to the States of Modern Times: West and East of Europe at the End of the 15th – 17th Centuries] (pp. 531–554). Kaluga: Kaluzhskii gosudarstvennyi institut razvitiia obrazovaniia.

Venard, M. (1981). Une réforme gallicane? Le projet de concile national de 1551. *Revue d'histoire de l'Église de France*, 67(179), 201–225.

Уваров Павел Юрьевич

доктор исторических наук, член-корреспондент РАН

¹ главный научный сотрудник, заведующий отделом западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Институт всеобщей истории РАН 119334, Москва, Ленинский пр., 32а;

² профессор Школы исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории социальных исследований Центра фундаментальных исследований Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» 105006, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4, стр. 3

E-mail: oupav@mail.ru

Uvarov, Pavel Yurievich

Dr. Hab. (History), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences

¹ Chief Researcher, Head of the Department of the Western European Middle Ages and Early Modern Times

Institute of World History of the RAS 32a, Leninsky Ave., 119334 Moscow, Russia

² Professor, School of Historical Sciences, Leading Researcher, Laboratory of Social Research, Centre for Fundamental Research National Research University Higher School of Economics

21/4, Bldg. 3, Staraya Basmannaya Str., 105006 Moscow, Russia

Email: oupav@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0808-2277>

ResearcherID: E-2807-2017

Scopus AuthorID: 56297330900